

Впервые жалею, что не владею жанром романа. Какой мог бы быть роман... Но увы да ах. Хотя романтическая эклектика неизбежна — при таком-то масштабе личности. В этой истории будет всё: страсти, любовь, измены, раскаяния, воссоединения, нелёгкие нравственные выборы, верность государственным интересам, научные открытия, эмиграции, утраты всего и обретение целостности... А ещё — опыт выживания на чужбине, уникальные свидетельства методичного учёного о двух российских революциях и той неистовой Гражданской войны. О том, как «русские» на юге бывшей могущественной империи становились вдруг «украинцами» (герой повествования был из рода Скоропадских), и много ещё чего: не ангажированные и не подцензурные свидетельства эпохи разлома, мировых войн — любопытнейшие размышления исключительно образованного светского человека, системного и независимого русского учёного — исследователя Сергея Николаевича Виноградского, учёного с мировым именем и географией: Киев — Санкт-Петербург — Городец — Одесса — Белград — Париж.

За свою блестящую работу в области микробиологии Виноградский был удостоен престижной премии Левенгука, присуждавшейся раз в десятилетие. Дважды, в 1911 г. (по физиологии и медицине) и 1921 г. (в области химии), выдвигался на Нобелевскую премию. Самую престижную научную награду он не получил «благодаря своему непостоянству»: сделав одно сенсационное открытие, он переключался на новые вопросы. Ему не забудут, что он, «почвенник», увлёкся «не своей темой» — чумой. А ему было

скучно «пережёвывать» старое. Он искал новое. В 1887–88 годы он первым в мире открыл микроорганизмы, способные к хемосинтезу (способность бактерий синтезировать органические вещества из неорганических). Практическое применение этого открытия и сегодня переоценить трудно: почвоведение, современные биохимия и экосистемы. Это открытие было в самом начале его научной карьеры, и оно не единственное.

* * *

А всё началось с Марьиной горы, что под Зеленогорском (или по-фински — под Териоками). Именно там я впервые встретила имя Виноградского Сергея Николаевича и его портрет — портрет удивительно импозантного джентльмена из прошлого. И вот ведь повод был совсем другой — поход выходного дня по бывшим дачным местам российской аристократии у Финского залива. Это были «Мариоки» или усадьба Марьиная гора по имени хозяйки имения — Марии Всеволодовны Картавцевой — Крестовской², оставившей после себя повести и романы, память о приёмах и благотворительных балах, гостеприимстве талантливой хозяйки — затейницы дачной жизни и устроительницы редкого усадебного ландшафта, любимой и любящей супруги государственного са-

новника Картавцева Е.Э., матери русского морского офицера — участника Цусимы Всеволода Картавцева (в «Цусиме» Новикова-Прибоя есть пара сюжетов, связанных с этим молодым офицером крейсера «Светлана», крейсера, героически погибшего в Цусимском сражении).

Сегодня Марьиная гора — это небольшой мемориал: романтическая белая надгробная скульптура (копия, оригинал утрачен) под вековыми карельскими соснами у развалин бывшей каменной церкви... Рядом действующий лыжный трамплин — как раз на месте бывшей Лестницы грешниц в 76 ступенек, устроенной Марией Всеволодовной, принцессой-грёзой, как называл её Илья Репин.

Кто только не гостил в том гостеприимном доме на Марьиной горе: и Репин, и Щепкина-

М.В. Крестовская. Портрет кисти И. Репина

² Мария Всеволодовна Крестовская (в замужестве Картавцева) — дочь писателя В.В. Крестовского. *Прим. ред.*

Куперник, и Леонид Андреев, и Кони, и Павлов, и Бехтерев, и Всеволод Мейерхольд... Один круг. Таланты российские, разные, блестящие, каждый — едва ли не первый в своём деле. И какие судьбы были у этих людей!.. Нет, не идеальные. Но и не без идеалов, с человеческими ценностями и поучительной жизнестойкостью. Люди удивительные, достойно прошедшие испытания жизнью и временем, разбросанные волею судеб по миру, но не потерянные. Осколки Российской империи. Вглядимся.

Итак, Виноградский Сергей Николаевич (1856, Киев — 1953, Париж), микробиолог — первооткрыватель, первый директор Института экспериментальной медицины, что на Аптекарском острове Санкт-Петербурга. Учёный потрясающей эрудиции и системности. Человек многогранный, яркий и во многом замечательный, обладатель выдающегося баритона и консерваторского образования. Музыка он любил всю свою жизнь, не пропускал концерты в филармонии. И вообще интересовался искусством и литературой. Размах личности леонардовский. Он ещё и «дамский угодник» (поневоле, с такими-то данными!) и при этом довольно редкий семьянин — такое вот сочетание, друг семьи владельцев упомянутой выше усадьбы Мариоки — Картавцева Евгения Епафродитовича (1850, Россия — 1932, Париж) и его супруги Марии Всеволодовны Крестовской-Картавцевой (1862, Санкт-Петербург — 1910, Санкт-Петербург). Впрочем, вы уже догадались, Виноградский Сергей Николаевич — сам настоящий многочастный роман. Человек-роман XX века.

1. Петербургский период жизни учёного (1891–1905 гг.).

Кризис личной жизни: вторая молодость приходит после первой

Виноградские снимали дачу на Ривьере под Петербургом с середины 1890-х, рядом с усадьбой Мариоки. Мариоки, которыми владели Картавцевы, славились музыкальными и поэтическими вечерами, щедрыми зваными обедами, спортивной «кучей-малой», балами-маскарадами, домашним театром и другими радостями загородной жизни. Это привлекало гостей. Гости определённого круга, высокого. Прекрасный баритон Виноградского непременно звучал в гостиной Мариок, будя высокие чувства и сея, похоже,

грёзы у дам. Господин этот был импозантен, весьма красив, уверен в себе, успешен. Всё, за что он брался, получалось у него наилучшим образом. Относительно недавно он принял приглашение самого принца герцога Александра Ольденбургского. Вернулся из Европы в Петербург, отказавшись от заманчивого предложения института Луи Пастера в Париже — мечты любого учёного.

Карьера Сергея Николаевича в Петербурге шла в гору: он возглавлял с 1891 года Отдел микробиологии в Императорском институте экспериментальной медицины (ИИЭМ). В 1902 он уже возглавит этот Институт, организованный и опекаемый принцем А.П. Ольденбургским (1844–1932, член Государственного совета). Задача ИИЭМ состояла, прежде всего, в изучении причин «разных болезней» (включая болезнь века — чуму) и путей борьбы с ними. Отбор учёных и сотрудников был очень строгий — дело государственной важности, на контроле у императора. Позднее институт утратит первое слово в названии, сегодня известен как Институт экспериментальной медицины (ИЭМ).

У господина Виноградского была хорошая семья-оплот: жена, Зинаида Александровна, урожд. Тихоцкая (1862–1939), соратник по работе, увлечённый ботаник-практик, и четверо прекрасных дочерей.

И был у него, говорят, роман (ну простите, я не знаю, как иначе назвать отношения двух ярких индивидуальностей — мужчины и женщины, «обременённых семьями», правилами, светом) с прекрасной Марией Крестовской-Картавцевой, дочерью поэта и прозаика Всеволода Владимировича Крестовского, женой Евгения Эпафродитовича Картавцева, высокого ранга сановника Российской империи. Трёхлетний роман будто. Какой роман? Каренина и Вронский? Или «близкая душа»? Можно только гадать об этом с разной степенью достоверности. Оба героя, впрочем, описали свои увлечения в дневниках, эти свидетельства можно «достать», проявив настойчивость, в архивах. Так или иначе, «роман» закончился. По инициативе Сергея Николаевича (об этом есть упоминания в мемуарах, изданных за рубежом, со стороны семьи Картавцевых-Крестовских младших). Разрыв этот был вынужденным. Свет? Долг перед семьёй? Сплетни дачников? Смятение чувств? Другой роман? Глубокий личный кризис точно. Обоим героям «роман» на Ривьере доставил немало переживаний. Есть мнение биографов, что личные переживания Марии Крестовской и её сложные чувства к господину Виноградскому описаны в её тонком психологическом романе «Исповедь Мытищева» (1901 год).

Первое знакомство Сергея Николаевича с семьёй Картавцевых состоялось не позднее 1896 года, «в Финляндии на даче Картавцевых» (дневниковая запись учёного). Потом будет многолетняя дружба семьями — этот факт неоспорим. Но будет и разрыв дружбы (тоже факт, об этом позже).

В рассказе о большом учёном мирового уровня, любопытнейшей исторической личности, талантливом эссеисте, перипетии его личной жизни можно было бы и опустить? Однако представляется, что это тот самый редкий случай, когда важны и поучительны все этапы жизни и учёного, и человека. Сергей Николаевич на закате жизни оставил подробнейшие мемуары — честный рассказ от первого лица не только о научной работе, коллегам — учёных с мировыми именами, о работе легендарного Чумного форта и т. д., но и о том, как он попадал в личные и исторические передраги, как выходил из них, как реагировал на это его ближний круг — люди XX века. В его воспоминаниях и дневниках так много достоинства, во многом утраченного, к сожалению, нашими современниками, заботы и щедрости по отношению ко всем, «кого приручил», даже тогда, когда этот когда-то преуспевающий человек оставался без средств к существованию. Это ведь тоже наука — оставаться приличным человеком и не пенять на обстоятельства, встречая повороты судьбы.

Первый крутой поворот в судьбе учёного, оказывается, вовсе не был связан с Мариоками. Это было иное — «вторая молодость», по его признанию. Виноградский С.Н. в книге «Летопись нашей жизни», задуманной и написанной как исповедь перед своей семьёй, прежде всего, не без стеснения и сомнения признаётся о «настоящем романе» — и даже «союзе» — с молодой девицей Луизой, очаровательной немкой, сиротой, служившей гувернанткой в одном богатом петербургском доме. Знакомство, а позднее их довольно длительные отношения, случилось во время совместных летних прогулок по Каменному острову, сначала случайных. Сергей Николаевич признался позднее — не без стыда, что он в то время нуждался в восторге и любви, которые не могла уже дать ему любимая и любящая «старая» супруга Зинаида, больше склонная к ведению хозяйства, женскому обществу в кругу родственников.

Виноградские жили на Каменном острове в собственном доме, в пешей доступности от ИИЭМ. Они приобрели собственный участок, к 1899 году построили дом на Каменном острове (по 2-й Берёзовой аллее, д. 34). По пятницам у них на Каменном будучт

устраиваться музыкальные салоны. И неизменными гостями среди самых близких родственников и соседей Виноградских будет чета Картавцевых. Друзья. Сегодня на месте той исторической виллы на Каменном красуется великолепный новодел времён второго пришествия капитализма в Россию, известный как дача А.А. Шварца — последнего дореволюционного владельца участка. Именно Шварцу было продано владение С.Н. Виноградского после отъезда семьи из Петербурга: несколько лет ушли на поиск нового хозяина дома — времена в России наступали тревожные.

* * *

Итак, 1903 год, переломный в семье Виноградских. Дети выросли, младшенькая и самая любимая училась уже в частном пансионе в Англии. Эта «младшенькая» (Лоцек, Иля — домашние имена; по паспорту Елена), воспитанная в Лондоне в пансионе «англичанкой», случайно окажется в Киеве в 1914. А тут война. Ни с кем не посоветовавшись, она пойдёт на курсы сестёр милосердия, а потом во фронтовой госпиталь. Сама будет настаивать именно на фронтовом. Будет награждена за мужество Георгиевским крестом. Этот факт её фронтовой биографии во многом определит её дальнейшую судьбу и характер. Отец уже будет с трудом понимать свою любимую дочь... Вторая, средняя дочь Виноградских, тоже пойдёт служить в госпиталь в годы Первой мировой, в Варшаве (тогда Российская империя), где жила, будучи замужем. Хорошее воспитание было у девушек, патриотическое. Свой выбор они делали по зову сердца — Россия была в опасности.

Супруга, Зинаида Александровна, женщина мягкая и заботливая, бывало, неделями — месяцами гостила в южных семьях близких родственников или в подольском имении. К холодному и светскому Петербургу она была равнодушна. А 47-летний Сергей Виноградский в столице Империи вдруг почувствовал себя совсем одиноким и молодцом. Бес в ребро. Сам он признавался, что по жизни «к развлечениям на стороне не имел вовсе поползновенный, скорее наоборот». Правда, позднее, подводя итоги своей жизни, он сообщал в дневниках о своих «трёх молодостях»: супруга Зинаида, Луиза и позднее (с начала Первой мировой и до эмиграции из России в 1920) — Ксения Никитина (она появится в повествовании позднее). Или «всего» три молодости для такого полного сил и фантазий мужчины — это почти монашество?

Значит, Луиза — петербургский роман. Вторая молодость. «Гормоны». «Гормоны» — такой диагноз поставит он себе сам

позже, вспоминая эту свою вторую молодость. Не без колебаний с обеих сторон произошло это сближение. Луиза была девушкой тактичной, кроткой, сентиментальной, делала ровно то, что ей говорили. Происходила из швейцарских немцев. «Она жила своим чувством, — напишет в мемуарах Сергей Николаевич, — натура безукоризненной чистоты и благородства». Сергей Николаевич в жизни и службе руководствовался принципом «так следует». Как дался ему этот роман, где не всё «как следует»? В его дневниках есть запись, кредо эмоционального и ответственного человека: «Чувства же — дело частное, индивидуальное, и не ими следует руководствоваться, принимая то или иное решение, в особенности, когда от решения зависит судьба дорогих существ». А семьёй и своими девочками — дочками он дорожил безмерно: «Всеми страстями готов пожертвовать ради них».

Пожертвовал. И большой наукой в столичном Петербурге тоже. Чтобы не было скандалов и соблазнов — вон из столицы? Так неожиданно быстро закончился весьма успешный петербургский «проект» (1891–1905) в жизни Виноградского, из-за «гормонов» в том числе. О научных и административных достижениях учёного того петербургского периода поговорим позднее. Итак, Виноградские переехали в 1905 году в любимое родовое имение под солнцем в Городке (Хмельницкая область, Украина), почти на границе с Австро-Венгрией. Без сожалений переехали. Дом, только что обустроенный по последнему слову техники на Каменном острове, продан. Официальная версия переезда — «по состоянию здоровья».

Сохранилось в архиве письмо Зинаиды Александровны, свидетельствование его второй половины (как раз в разгар романа её мужа с Луизой). Написано письмо в Городке 20 марта 1905: «Бывали с твоей стороны такие неприязненные отношения ко мне, которые указывали мне, что по части нежной привязанности между нами уже не может быть и речи, я, может быть, и преувеличивала, но временами это мне ясно казалось. Я, конечно, видела, что сама виновата: что в сущности представляю собой совершенное ничтожество в сравнении с тобой. Иногда мне приходило в голову уйти тихо со сцены, никто бы особенно не потерял от этого. Может быть, некоторое время погоревали бы, а затем спокойно зажили бы, как вообще забывают умерших. Ты, может быть, был бы даже счастлив, так как нашёл бы себе другую подругу и мог бы иметь давно желанного сына. Вот и это, что у нас не родился сын, тоже не раз причиняло мне немало горя». Дела семейные. Драмы жизненные.

Получается, Зинаида Александровна понимала, что происходит с мужем, чувствовала его отчуждение.

* * *

А в 1906 году в Вене родилась девочка — тоже Зинаида Александровна, или Зизи (в замужестве Бергер, 1906–1953 (?), дочь С.Н. Виноградского и Луизы из его второй молодости. Опять дочь, не сын. Для «легализации» ребёнка и «спасения чести Луизы» с помощью некоего агента в Петербурге был заключён фиктивный брак Луизы со старым казачьим полковником, неизлечимо больным. Говорят, такие дела стояли в столице на потоке. А что? Императорские семьи тоже прибегали к подобным уловкам. Вскоре после «замужества» Луиза была перевезена в Вену, где её никто не знал и где всё было организовано Виноградским «как следует»: акушерка, квартира, содержание. В этот же период состоялось его финальное объяснение с супругой Зинаидой. Ясность всегда спасительнее. «Зиник превзошёл мои самые смелые мечты», — напишет он позднее. «Зиник» даже взяла на себя надзор и заботу над родильницей в Вене (!). Нет слов. Оказывается, так бывает. То есть «Покровские ворота» просто отдыхают под зонтиком со своими «высокими отношениями». Правда, родные дочери отнеслись к этому факту — рождению внебрачной дочери отца — неоднозначно, но в целом ситуацию «приняли». Труднее всего было смириться с двусмысленностью младшей дочери, Елене, но и она старалась как могла... А муж и отец остался в семье. Скандалов не последовало.

О жизни Зизи (в замужестве Бергер Зинаида Александровна), внебрачной дочери, известно немного: с конца 1920-х жила в Цюрихе, родила в замужестве двоих сыновей, после Второй мировой войны настойчиво разыскивала отца, связь с которым была утрачена за годы войны (её письма к Виноградскому С.Н. и письма её матери Луизы хранятся в Архиве РАН). Будьте уверены, господин Виноградский заботился о воспитании Зизи, как подобает настоящему отцу, на протяжении всей жизни. Заботился он и о самой Луизе — апартаменты, капитал на жизнь. Заботился наперёд, так что развернувшиеся с 1914 года войны и лихолетья, связанные с этим многолетние разлуки не помешали достойному уровню проживания его женщин в собственном швейцарском доме, купленном на деньги Виноградского. Такие вот «банальщины» случаются. Увы. Не получился у нас идеальный герой века. Зато получился реальный, без купюр, человек.

И вот что интересно: ни сам Виноградский, ни его взрослые дочери не стали изымать из архива отца документы и дневниковые записи, свидетельствующие об этом адюльтере — его *Jardin secret*. А могли бы. Как это сделали, например, потомки того же академика И.П. Павлова, современника и соратника Виноградского: изъяли из архивов всё, что им казалось «неподобающим». Впрочем, в жизни Виноградский и Павлов тоже недолго любили друг друга — закваска разная. Что было, то было... Осечки бывают. Но не всякий делает должные выводы и приносит такое глубокое покаяние. Такая вот «вторая молодость».

* * *

А как же Мария Всеволодовна Крестовская-Картавецва? Ведь мы и познакомились с Виноградским С.Н., встретив его имя и портрет в мемориале на Марьиной горе. Впрочем, имя этой талантливой писательницы, красивейшей женщины с актёрским прошлым, легенды Чёрной речки, достойно развёрнутого упоминания — будут ещё и другие пересечения этой прекрасной дамы с семьёй Виноградских. Мария Всеволодовна, имея тонкую драматическую натуру, переживала, говорят, разрыв отношений (1901–1902 годы?) с близким другом (Сергеем Николаевичем) тяжело. Заболела. Или это простое совпадение во времени? Первые заболевания и сейчас трудно поддаются диагностике и лечению. А тогда? Сам великий Бехтерев и академик Павлов пытались ей помочь. Похоже, такой неожиданный конец романтических отношений-грёз, а позднее — весть о гибели её единственного сына (слава Богу, оказавшаяся ошибкой), морского офицера Всеволода Картавецва, спровоцировали необратимые изменения в организме. С тонкими натурами такое случается. Мария Всеволодовна не смогла справиться с обрушившимися на неё духовными и телесными болезнями, умерла рано. Она ушла из жизни в 1910 году в возрасте 48 лет, оставив завещание, согласно которому её супруг Картавецв Е.Э. должен был опубликовать на семи языках (!) её дневники, личные дневники. Вот в этих дневниках было всё. Но они изданы не были: наступали в России другие времена и другие задачи, которые, похоже, решал её супруг. Дневники находятся в архивах ЦГАЛИ. Похоже, и по сей день они имеют ограниченный доступ.

В память о любимой супруге Евгений Картавецв построил белую каменную церковь Иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Марьиной горе — архитектор Иван Фомин; храм ос-

вящён летом 1916 года архиепископом Выборгским и Финляндским Сергием (Страгородским) — церковь утрачена во время Финской кампании 1939–1940 гг.; стены храма были окончательно взорваны в 1958 году. Деньги на храм после смерти Марии Крестовской-Картавцевой собирались по подписке от всех желающих поучаствовать в постройке. Так вот: пожертвования (200 царских рублей), поступившие от господина Виноградского С.Н., не были приняты Е.Э. Картавцевым. Последний отправил деньги обратно жертвователю, пополнив подписной лист собственными средствами на сумму возврата. Это ли не косвенное подтверждение разрыва отношений добрых товарищей в прошлом? Картавцев ведь уже ознакомился с дневниками супруги (согласно завещанию).

Государственному советнику Картавцеву удалось после революции перебраться во Францию. У него была «славянская способность покориться судьбе», — напишет в своих мемуарах его невестка-финка. Умер он в Париже, помогал до конца своих дней первой семье усыновлённого им когда-то 7-летнего сына Марии Крестовской, Всеволода Евгеньевича Картавцева (1863–1962), блестящего офицера. Всеволод после Цусимы несколько месяцев был в списках погибших (помните отчаяние матери?), но, к счастью, выжил, оказался в японском плену. По возвращении из плена продолжал службу на флоте. В 1915 г. по его просьбе был переведён в легендарный Ингушский конный полк («Дикая дивизия») в звании ротмистра. Участник Брусиловского прорыва. Потом будет служба опять в морских чинах — в Дунайской флотилии. Затем Добровольческая армия... К лету 1921 года капитан 2-го ранга В.Е. Картавцев окажется в Константинополе, затем в Америке. Похоронен в Ново-Дивеево под Нью-Йорком. Осколки империи. Судьбы российские.

* * *

Итак, Сергей Николаевич Виноградский летом 1905 года покинул Петербург навсегда. До 1912 года формально ещё состоял в штате ИИЭМ (распространённая практика). Приведу здесь один факт, для нашего времени фантастический. Ещё в июне 1900 года Сергей Николаевич заявил о готовности с 1901 года передавать все своё жалование, положенное ему от ИИЭМ, на нужды Института. Это около 5000 царских рублей в год, на минуточку. Было испрошено Высочайшее Его Императорского Величества Государя Императора соизволение. Получено согласие Императора от 20 июля 1901 года. То есть учёный Виноградский С.Н. с 1901 года до отъ-

езда из Петербурга в 1905-м работал и служил в ИИЭМ бесплатно (!). Капитал Виноградского (с его ведома) привлекался институтом в течение трёх лет на научные опыты по туберкулёзу, к примеру. К 1912 году собралось около 40 тысяч царских рублей — не востребовавшихся рублей по жалованию. Виноградский С.Н. пожертвовал эти деньги (огромные деньги) на строительство нового корпуса института — здания Библиотеки ИИЭМ³.

Здание библиотеки в 1913 году

Прекрасное здание с необычным для Петербурга майоликовым декором останавливает взгляд прохожего и сегодня. Там много имён великих учёных со всего мира на фасаде: хожу, люблюсь. А имени Виноградского на парадном фасаде библиотеки — нет... Вот как это? Благодарные потомки? Как это всё-таки по-нашему...

* * *

Приехав в Городок, Виноградский со свойственным ему рвением и системностью занялся почвоведением и прочим хозяйством, включая коневодство и лесное дело. Весьма успешно, надо заметить, шли у него дела. До сих пор жива слава о хозяине имения в Городке и о его делах. Однако мировая слава «пана Виноградского» дошла до местных жителей не вдруг. Так, в советский период «ветераны революции» на встречах с молодёжью в лицах рассказывали о временах «проклятого царизма». Красок чёрных не жалели для последнего барина Городка. Мол, тот ещё «самодур»: отказался пить местную воду, велел возить ему воду «из дальней лесной крынычки». Дальше — больше. Этот «негодяй» прошёлся по дворам и приказал своим засыпать все колодцы!

³ **Справка.** Здание Библиотеки было построено по проекту модного тогда архитектора Люцедарского Г.И. (Этот же «ловкий» — оценка Сергея Николаевича — архитектор проектировал и дом Виноградского С.Н. на Каменном острове). Библиотека была открыта 21 февраля 1913 года в память 300-летия царствования Дома Романовых. Уникальный майоликовый портал здания, что выходит на бывшую тенистую парковую Лопухинскую улицу — ныне кривая не по-питерски улица Академика Павлова, — и дубовые двери с накладками были привезены тогдашним директором ИЭМ Подвысоцким В.В. (1857–1913) из Дрездена в 1911 году, где они украшали русский павильон на Международной гигиенической выставке.

Вместо этого распорядился пробурить скважины и воду брать только там. «Раньше, — причитали «ветераны», — у каждого во дворе был свой колодец. Вода под рукой, а из-за “произвола” пана людям приходилось носить воду за 200–300 метров!..» Кошмар. И радость «освобождения». То есть прошли десятилетия, а люди так и не оценили стараний учёного уберечь их от холеры, тифа и прочих болезней из стоячих верховых водоёмов, под жарким солнцем. Помещик Виноградский давал те непопулярные распоряжения после взятия проб воды из колодцев, потому что был настоящий учёный и гражданин. Интерес к личности С.Н. Виноградского «проснулся» в Городке лет 20 назад: «А пан-то наш бывший, оказывается, звезда!..» Ну и слава Богу. Прозрели.

* * *

А Мариоки?.. Будто забыл их пан Виноградский под южным солнцем? Как знать... Проходят ли грёзы навсегда? Об этом скорее знают поэты: им «положено». Есть один, который точно понимал в туманах, грёзах, брызгах шампанского и в своём времени. Эксперт, можно сказать, по грёзам:

*О Мирре грезит Вандэлин, / О Вандэлине грезит Мирра.
Она властительница мира, / И он — вселенной властелин.
Люблю я в замке меж долин / Внимать душою, полной мира,
Как Миррой грезит Вандэлин, / Как Вандэлином грезит Мирра,
Под стрекотанье мандолин / Дрожит моя больная лира,
Что Мирры нет, что в мире сирот / И что — всегда, всегда один —
Грустит о Мирре Вандэлин.* (Игорь Северянин, 1911)

Так что грустил Сергей Николаевич наверняка. Вот строки из его дневников периода жизни в Городке: «...и вот иногда под вечер, во время золотого заката я охватывал всё взглядом, и был счастлив! Одного мне недоставало — Близкой души, которая бы понимала». Имени нет. Но «Близкая душа» — с заглавной буквы. Догадайтесь? Честь замужней дамы имела значение при любом раскладе. И в его дневниках её имени нет.

2. Летопись учёного, служба у принца Ольденбургского. Братья Сергей и Александр Виноградские — вместе и врозь

Виноградский С.Н. вёл дневник всю жизнь — на русском, на французском. К широкой российской аудитории записи не дошли. Кое-что доступно, но с купюрами и часто интерпретациями издателей. Но есть его книга: «Летопись нашей жизни». Откро-

вения умного, много повидавшего человека. Так сложилось, что одна из его дочерей, третья, Екатерина Сергеевна, сочла нужным в 1960-е годы передать рукописи отца в Россию, в архив РАН. И только в 2013 года в издательстве «МАКС Пресс» вышел автобиографический сборник Сергея Виноградского. Редкая книга. Мне удалось ознакомиться с ней. Некоторые цитаты, созвучные нашему турбулентному времени, я приведу здесь. Опыт «бывалых» важен в эпоху перемен.

Справедливости ради заметим, последние пару десятилетий интерес к научным работам Виноградского буквально вспыхнул в России. Назван его именем Институт микробиологии в Москве (в 2003 году). Зазвучало имя учёного и на наших просторах. Причин некоторой «непопулярности» учёного в России много: его ранний уход из российской научной среды (1905 год), вынужденная эмиграция после революции, его весьма нелестное отношение к советской власти — он даже написал несколько ярких публицистических статей на тему постреволюционной России (об этом ниже). Опять же, принято считать в отечественных кругах, будто он не оставил «научной школы», «не воспитал учеников» (как его соратник и современник И.П. Павлов, например, или Илья Мечников — тоже эмигрант), не вёл «публичную научную жизнь» в аудиториях университетов и на кафедрах конференций. Частично упрёки справедливы. Однако микробиология как наука тогда только зарождалась. Плоды её получили оценку много позже физиологических открытий Павлова. Это сказалось и на недофинансировании научных исследований Виноградского — Россия переживала трудный период после поражения в Русско-японской войне. Поэтому какая школа?

И да, не любил Виноградский выступать публично — факт. Его коллеги позднее приписывали это его «застенчивости на публике». Не думаю. Человек, бывавший на официальных императорских приёмах, публично певший арии перед искушённой публикой и игравший в залах на фортепиано, вряд ли станет страдать таким «недугом». Тут нечто другое, мировоззренческое. Он мог выступать — ярко, убедительно, но не любил. Он отказался в своё время от профессорства не только в России, но и в США. Ему профессорство было скучно, сопутствующая суета «не стоила того». «Зачем читать доклады, если можно опубликовать их и прочитать потом в удобное для себя время?..» Действительно, вторю ему. Он так и жил: много читал научной литературы на разных языках, публиковал до конца жизни научные обзоры и результаты своих

исследований. Виноградский действительно был исключительно избирателен в подборе людей в свою команду. «То, что мне нужно, он не сумеет. То, что он сумеет, мне не нужно», — это его. Сегодня бы сказали: не умеет делегировать...

Можно ли делегировать научные открытия? Пусть ответят учёные. Он являлся типом классического учёного — сюртук на все пуговицы, кабинет, пробирки, микроскопы — это был его мир. Он был великим экспериментатором. Система классического образования, со знанием древних языков, которое он получил в детстве и юности, дала такие плоды. Когда случались революции и войны, в России и во Франции он в первую очередь спасал вот эти пробирки и микроскопы. Дочь и его ассистент по совместительству вторила ему: «Папа, собирай инструменты!»

А вот ученик у него всё-таки был. Может, и один. Зато какой! В.Л. Омелянский (1867–1928), советский учёный-микробиолог (вопросы нитрификации и брожения клетчатки — круговорот азота и углерода в природе). Именно он возглавил отдел микробиологии в ИИЭМ после отъезда Виноградского из Петербурга. В.Л. Омелянский был ещё и одним из сильнейших шахматистов России в начале 1900-х. Учитель и ученик, достойные друг друга во всех отношениях. Такой тандем. Близкие свидетельствуют о «безоблачном характере их сотрудничества» на протяжении 35 лет (ученик ушёл из жизни много раньше своего учителя). Сегодня все микробиологи мира считают Виноградского Учителем с большой буквы за его вклад в зарождавшуюся тогда науку, за учебник по микробиологии, который он составил.

Обратимся к его корням, истокам. Наверняка там тоже таится много увлекательного. Родился в очень благополучной семье в 1856 г. в Киеве. Сын крупного землевладельца, банкира. Мать происходила из знаменитого рода Скоропадских, что после революций поможет семье продержаться достойно некоторое время. После добротного домашнего образования Сергей вместе со старшим братом Александром поступил во 2-ю классическую гимназию Киева. Все годы обучения братья были первыми учениками. Оба окончили гимназию с золотыми медалями. Были дружны, конкурентами не были. Были братьями. Сидели за одной партой. Так случилось, что их выпускной год (1872) совпал с реформами образования в России, в результате чего младший по возрасту Сергей вынужден был остаться на обучение ещё на год. Делать нечего. Александра же выпустили (разделили неразлучных братьев), он поступил на юрфак в Москве, учился в Московской и Пе-

тербургской консерваториях — у Рубинштейна, у Балакирева. Он станет большим музыкантом — дирижёром, директором Консерватории, новатором своего времени. Часто из личных средств оплачивал приглашение музыкантов из других городов и покупку музыкальных инструментов. У него в концертах выступали Шаляпин, Крейслер, Чайковский и Рахманинов. Отменный вкус.

Александр параллельно с музыкальной деятельностью станет преемником отца в банковском деле. С 1887 жил в Киеве. Благодаря его энергии и меценатству Киев стал заметным музыкальным центром не только Империи, но и Европы. Александр Николаевич дирижировал в Париже, Вене, Берлине. Истинно большой музыкант. Современники отмечали его особый экспрессивный стиль дирижирования (не по канонам эпохи): он увлекался, дирижировал будто всем телом. Из воспоминаний художника М.В. Нестерова: «Его телодвижения и гримасы были презабавны и служили для киевлян источником всяческих острот. На парадном концерте по поводу освящения Владимирского собора в Киеве (август 1896 года) Виноградский не изменил своей дирижёрской манере. Изгибался, нёсся куда-то вперёд, замирал на "пианиссимо" и опять бросался куда-то в сторону гобоев, контрабасов и прочего. И вот в один из этих его "пароксизмов" у него во всю спину лопнул фрак. К счастью, он в своём артистическом увлечении этого не почувствовал, но заметили все».

Александр
Виноградский
(1855–1912)

Виноградский не изменил своей дирижёрской манере. Изгибался, нёсся куда-то вперёд, замирал на "пианиссимо" и опять бросался куда-то в сторону гобоев, контрабасов и прочего. И вот в один из этих его "пароксизмов" у него во всю спину лопнул фрак. К счастью, он в своём артистическом увлечении этого не почувствовал, но заметили все». Впрочем, концерты под управлением Виноградского А.Н. всегда имели крупный и заслуженный успех у профессионалов и у простых слушателей. Умер он рано, в 1912-м, от сердечного приступа. Таким был старший брат. Надёжным. Хотелось бы закончить эпизод об этой братской дружбе на высокой ноте. Но не получилось и тут: жизнь — она опять сложнее. Родственные отношения — вещь хрупкая и ненадёжная.

Вот и у Виноградских случилось семейное недоразумение. Решили семьи братьев разделить родовое имущество: земельные владения — оставить за мужчинами, а финансы — за дамами. Разделить-то они разделили (в 1892 году). Только, похоже, процесс переговоров не прошёл гладко. В результате возникло «усло-

вие»: 10 лет семьи братьев не будут общаться. По воспоминаниям Сергея Николаевича, это была «нелепая прихоть» брата Александра. Не общались родные и близкие души действительно целых 10 лет. Примирение произошло в Петербурге, куда Александр Николаевич приехал дирижировать оркестром, остановившись в гостинице «Европейской». С братом намерений о встрече будто не было. Нелепо? И тут посредническую роль в примирении на себя взяла известная нам чета Картавцевых по своей инициативе. Господин Картавец посетил Сергея Николаевича с визитом, чтобы убедиться, что тот не будет противиться встрече с братом. Дальше за дело взялась Мария Всеволодовна. И встреча после долгой разлуки состоялась! Пусть и не с первой попытки. Вот как бывает. Посредничество же семьи Картавцевых — ещё одно свидетельство близкой дружбы и былого доверия между семьями бывших дачных соседей.

...А Сергей проучился во 2-й Киевской гимназии свой «лишний» год. Досада. Только по выпуску он сразу же продал (!) свою золотую медаль за 40 рублей. Что это было? Деньги ему были не нужны точно. Протест? Впрочем, он признавался в мемуарах, что «вовсе не ценил медаль как награду за успехи». Желание жить по собственному выбору с юности определённо вырисовывалось. Так с юности он начал удивлять общество. Поступил сначала в Киевский университет на юрфак. Не то. Перевёлся на физмат. Через два года — не то. Поступил в Консерваторию Санкт-Петербурга к самому лучшему педагогу своего времени — фортепианный класс Теодора Лешетицкого (1830–1915). Но одна только музыка не могла удовлетворить его пытливым ум, его природного дара — любопытства. И он поступает на физмат Петербургского университета (курс естественных наук). После окончания университета выбирает стажировку в Страсбурге (у Антона де Бари) и в Цюрихе. Так начался его путь в науку и микробиологию. Мог остаться работать в Европе: предложений было множество. Но в 1891-м, будучи в Париже, он выбрал Санкт-Петербург, ИИЭМ, где возглавил абсолютно новое направление исследований. Экспансия его не интересовала.

В 1902-м защитил докторскую диссертацию, стал директором ИИЭМ. Ввёл ежемесячные научные чтения в институте: учёный обязан быть в курсе всего нового в мире. Эта традиция жива в ИЭМ по сей день. При его директорстве академик Павлов (в 1904 г.) получил Нобелевскую премию. В период работы в ИИЭМ Виноград-

ский много занимался опасными возбудителями холеры и чумы. Неделями пропадал на Чумном форте под Кронштадтом. Он был практик — работал с малоизученными опасными организмами сам, не страшась. Потому что наука, потому что это его жизнь. Можно ли кому-либо доверить свою жизнь?

Вот любопытнейший эпизод, высвечивающий эпоху и масштаб личности Виноградского. Кроме научной деятельности в ИИЭМ, была у него ещё и «служба». Весь штат института под командой Высочества (принца Ольденбургского) «обязан был по службе следовать за ним во всех предприятиях, а также столкновениях». Столкновения же бывали с «высшей администрацией», которая косо смотрела на то, что Высочество вмешивается в их ведомственные дела. Времена меняются? — спрошу я вас. Ничуть!

Так вот, случился в конце 1899 года конфликт интересов всеильного министра Витте С.Ю. (1849–1915) и принца Ольденбургского. В Астраханской области обнаружили локальный эпизод бубонной чумы — страх и ужас того времени. Экспедиция ИИЭМ срочно выехала на место по распоряжению принца, взяла необходимые образцы биологических материалов, провела незамедлительно все мероприятия — изоляция, дезинфекция... Очаг чумы был потушен. Учёные вернулись с успехом в Петербург. Казалось бы — ура! Однако интересы, интриги, пристрастия есть и у великих. Господина Витте не устраивал сам факт чумы в России. Он был обеспокоен «кредитными рейтингами России», и даже просто упоминание в печати «какой-то чумы» его не устраивало. Более того, официальное государственное медицинское ведомство практически не было вовлечено в «тушение пожара». Вопрос же вспышки чумы в европейской части России буквально взбудоражил весь мир — пристальное внимание глав государств, прессы. Престиж страны под угрозой. Назначили специальную межведомственную комиссию: ведомственные — от правительства России и вневедомственные — учёные-практики от ИИЭМ. Руководить комиссией принц поручил Виноградскому, сам же удалился за границу, «по делам».

Виноградский со свойственной ему педантичностью взялся за дело. Помните, он был учёным «в сюртуке на все пуговицы»? Организовал встречи совместной комиссии, давал инструкции: поставили проверочные опыты на привезённом из Астрахани биоматериале — опыты ставились только на Чумном форте (форт Алек-

сандра I). Лично участвовал в этих опасных испытаниях. И уж всё документировалось как подобает, будьте уверены. Педант. Итогом деятельности «чумной комиссии» стал совместный меморандум, который подтверждал факт чумы в Астрахани. Документ подписали все члены комиссии. Ура?! Нет. Вскоре Виноградскому пришло приглашение явиться к Витте в Министерство финансов на заседание на Фонтанку. Опять захотели выяснить чиновники, была ли это бубонная чума? Господин Витте тоже преследовал государственные интересы, по-своему. Первыми выступили доктора в мундирах от Военно-хирургической академии, то есть «ведомственные». Они чувствовали давление министра, понимали, чего тот от них ждёт, но были «зажаты» выводами совместного Меморандума. Господин Виноградов К.Н. (1847–1906, патологоанатом, профессор академии) пустил жалобы, будто был стеснён в совместных исследованиях и т. д. Тогда встал уже господин Виноградский С.Н., «несмотря на недовольный жест председателя собрания, и напомнил, что ему (Виноградову) был предоставлен весь материал *en question*, что опыты были все строго коллективные, что никакого разногласия в толковании их не было, не было их и в заключениях, под которыми стоит и его подпись...». Говорил это всё Сергей Николаевич совершенно спокойно, «ничуть не смущаясь пред сановитой аудиторией». Никто из генералов не произносил ни слова.

Справедливости ради заметим, что в поддержку позиции Виноградского выступил коротко, но жёстко Сиротинин В.С. (1856–1934), терапевт, профессор кафедры частной патологии и терапии академии. В Гражданскую войну он уйдёт с армией Деникина. Затем годы эмиграции в Югославии. Принимал участие в работе Русского госпиталя в Париже. Осколки Империи.

В результате, не будучи ни чиновником, ни опытным тактиком-службистом, Виноградский С.Н. выиграл «кампанию» по чуме, не отступая ни на шаг от чисто научной позиции. Здесь вспомним «сомнения» некоторых исследователей в способностях Виноградского выступать на публике. Умел, но не любил. В этом проявляется свобода незаурядной личности делать то, что любишь, к чему стремится твоя душа. Не всякому дано. Часто материальные гири препятствуют таким порывам. Но Виноградскому повезло от рождения: он не знал (в первой половине жизни особенно) нужды в деньгах. Долг гражданина и учёного для него были осознанным нравственным выбором. Классическое воспита-

ние. Мозг его не знал покоя. Он избегал традиционных подходов и готовых формул. Он не любил теоретизирования. Эксперименты!!! Вот что его интересовало, вдохновлённого с юности самим Пастером. Коллеги, между тем, признавали: то, что не удавалось сделать двенадцати учёным, отчего-то получалось у одного Виноградского! Такой подход к делу, разумеется, вызывал критику недоброжелателей. Но интриги на службе мало волновали Виноградского. Алтарь науки — вот его кредо. Казалось, он ещё при жизни был отлит в бронированный костюм учёного. Классик, хотя сам относил себя к учёным-романтикам. Были тогда популярны такие классификации учёных (на полном серьёзе).

III. Гражданская война, гражданская публицистика Виноградского С.Н. Третья молодость.

Революции. Гражданская. Эмиграция. Сначала Белград. Визы, паспорта и тогда имели значение. В январе 1920 года уехать из Одессы Виноградского буквально принудила его тогдашняя «третья молодость», Ксения Никитина (ок. 1895 — после 1964). Сама осталась в Одессе, его спасла. Широкой души человек, самоотверженная. Сергей Николаевич помнил Ксению с благодарностью и сделал невозможное, по тем-то временам: вызволил в 1922 году её из Одессы. Ксения вместе с сестрой приехала во Францию, жила в семье Виноградских до 1953 года, занималась хозяйством усадьбы и была помощницей в лаборатории учёного. «Человек моего склада и привычек не стал бы так биться в течение целых трёх лет, расходуя свои скудные средства, только для того, чтобы добыть себе “кралю”, если бы им не владели чувства жалости и благодарности, непреодолимые!» — так писал о себе, тогда 70-летнем, Виноградский С.Н. в «Летописи» о приезде Ксении во Францию.

В Белграде 67-летний эмигрант получит предложение о научной деятельности в институте им. Пастера близ Парижа. Его там помнили и ценили ещё с 1890-х годов. В 67 лет Виноградский, который с 1905 года был вне официальных научных кругов, примет это предложение. Виноградские переедут в Париж. В 67 лет вернуться к науке? Начать всё сначала в другой стране? И состояться! Подумать только... Потом будет Вторая мировая и оккупация Парижа. Будет опять стоять выбор: бежать, спастись?.. Он решит всё по-своему. Бежать некуда. Надо спасти институт, дело и оборудование. Ему это удалось. Семье удалось выжить и спасти научные разработки института Пастера. После войны возобно-

вятся кое-какие контакты с Россией. У него будут гостить учёные из Советского Союза, которые и оставят нам свои скупые и аптечно-выверенные воспоминания. Что ж. Такое время. И вот ещё парадокс: в 1923 г. он, будучи в эмиграции, был избран академиком РАН. Чудеса? Поэтому и контакты с советскими учёными были возможны.

В 1953 его не станет. В Париже, в окружении дочерей. Научные статьи-обзоры он писал до последних дней жизни. Неугомонный.

А в Городок свой любимый и уютный он всё-таки вернулся. Памятником. В 2012 году. Памятник установлен на личные средства его земляка, тоже медика и профессора, родом из Городка. Позже, в 2021 г., на частные средства воздвигли в Городке и краеведческий музей (G-Museum), архитектуре и устройству которого позавидовал бы столичный город. Значительная часть экспозиции в современном музее посвящена учёному Виноградскому С.Н. Так что живёт память, пусть и с опозданием. Рождённый в Киеве, он всё-таки по сей день остался русским. Тогда не знали такого слова — россиянин. Во всех энциклопедиях мира Виноградский С.Н. значится как «выдающийся русский учёный». Его не успели (или не смогли?) сделать украинским. На памятнике 2012 года в Городке высечены честные слова: «Сергій Виноградський Мікробіолог світу». Микробиолог мира. Точно.

А ещё нам остались его бесценные записки-эссе о России, о том, что пришлось пережить, что увидеть своими глазами после февраля 1917. Останутся и его рецепты, как переживать катаклизмы: спасать оборудование — средства производства то есть... И ещё кое-что, без чего нельзя выжить на чужбине. К этому опыту обратимся в подробностях. В возможных подробностях. Его свидетельства о тех окаянных днях бесценны — свидетельства человека высокообразованного, приученного смотреть в корень, наблюдать, записывать, анализировать, подвергать сомнению... Плюс никакой художественности, внешней редактуры и цензуры. Специфика его рукописи такова, что про «чистую науку» там он почти не писал, он просто описал свою жизнь. Достоверность источника очень высокая: и дневниками пользовался, и памятью не страдал. Читать — наслаждение. На мой взгляд, самое ценное (если читатель не микробиолог, конечно) в истории Виноградского С.Н. именно его свидетельства о том постреволюционном времени, его пророчества как учёного.

Вот что пишет он о Февральской революции и первых месяцах после в своих заметках. «Во время моего пребывания в Одессе потрясла Февральская революция. Погибла Россия — сказал я себе. Начинается развал и не замедлит дойти до конца. Пошли посмотреть, как Одесса празднует революцию. Подходя к Пушкинской, слышали “Марсельезу”. Это войска дефилировали в честь наступавшей свободы. Неряшливые ребята в simile (то есть в имитации, в подделке) барашковых серых колпаках и парусиновых блузах. При каждой их части импровизированное красное знамя.

Всё же в самом начале весны был уже дома (в Городке), соби­рался продолжать хозяйство.

Было спокойнее, на первый взгляд, всё без перемен. Но когда приступили к работе, Возницкий сообщил, что люди, паробки и население, девки в том числе, больше 8 часов работать не будут, так как “таково вышло распоряжение”. И действительно, когда ещё солнце стояло высоко, паробки оставляли плуги и отводили лошадей, а подённые уходили с поля. Один младший конюх, мало куда годный, вдруг стал играть роль некоего начальства. И когда я сказал Возницкому его рассчитать, то он не брался это делать, предпочитая уйти самому.

Дано мне дальше было знать, что отныне лес должен от­пущаться не по назначенной мною цене, а по той, которую опреде­лило общество. Решение это принесла мне депутация, предво­димая неким хорошо распропагандированным малым, который хоть и вежливым, но угрожающим тоном советовал беспрекос­ловно покоряться порядкам, которые будут введены обществом. А не то... Всё это не оставляло сомнений, что песня моя в Городке спета и что в ближайшем будущем придётся оставить хозяйство в таких невозможных для меня условиях. К счастью, моё хозяй­ничанье тут же закончилось самым нормальным образом — сда­чей фольварков⁴ в аренду сахарному заводу. Сделка состоялась целиком по инициативе Маранца, представителя завода, который приехал меня о том просить и принял все мои условия. Контракт состоялся для меня на необычайно выгодных условиях, и таким образом я сразу освободился от ведения хозяйства в ненормаль­ных условиях». В общем, успел Виноградский «рассчитать» своё

⁴ Фольварк — хутор, мыза, усадьба, обособленное поселение, принадле­жащее одному владельцу, помещичье хозяйство. Википедия. *Прим. ред.*

имущество вовремя, до Октябрьской революции. Это пришлось на медовые месяцы Керенского, которые скоро закончились. Фронт был вскоре сломан, «войска бросили фронт и двигались домой во-свояси, занимаясь по дороге грабежами». Семья Виноградских оценила ситуацию верно. Было решено на семейном совете про-бираться из Городка в Одессу. «Взяв с собой всё, что можно взять, надо оставить дом и уходить, притом полями и окольными пу-тями, выбрав направление, где менее всего шансов встретиться с бандами. Нельзя ли остаться хоть сутки, чтобы лучше разобрать вещи? — Нет. Для укладки ночь, а завтра утром выезжать.

Так и решили. Немедленно принялись за разборку и укладку. Но что можно взять с собой? Очевидно, только носильные вещи, кое-какие бумаги и мелочи, ценные по воспоминаниям, с ними связанным. Книг полные шкафы, отчасти ценные издания, ноты, музыкальные инструменты и много чего ещё пришлось оставить. О двух роялях и мебели, кончено, никакой речи не могло быть. Успел кончить свою долю укладки к 3 часам ночи, но главная ра-бота выпала Мамочке. Спокойно, складно, умело, как всегда, вози-лась среди груд всяких вещей целую ночь напролёт. Не только не прилегла, но даже не присела». Мамочкой Сергей Николаевич называет свою обожаемую жену Зинаиду Александровну, свою «первую молодость». Семья добралась благополучно до Одессы.

«В Одессе был хаос, — продолжает Сергей Виноградский, — власти то забирали в руки бразды, то исчезали. В продолжение 4-х месяцев город был во власти большевиков. Был Совдеп или ревком, издававший декреты и приводивший их в исполнение под охраной китайской стражи. Одно время, впрочем, короткое, город занял атаман Григорьев. Довольно долго им владели укра-инцы, которые ввели свою монету — карбованец, но царство их было неустойчивое, до кампании Петлюры, которая разыгралась позором. Несмотря на этот хаос, повальных грабежей и убийств не было, жизнь кое-как текла со всякими рода затруднениями и помехами во всякого рода областях. Тот факт, что мы оказались вынужденными жить далеко от города в дачной местности, ока-зался чрезвычайно благоприятным в смысле спокойствия и без-опасности. Никакая смута не доходила до нашего замка, прятав-шегося в большом парке. Расстояние это часто причиняло тягост-ное неудобство, но о городских беспорядках мы узнавали только по отрывочным газетным сведениям, и только во время редких посещений города приходилось уходить от стрельбы на улицах

или спешить мимо винного склада, разбиваемого солдатами». И далее. Как «обернулись мы все украинцами», номинально. Актуально?

«1918-й. Год принёс большую перемену. Павло Скоропадский, генерал царской службы и дальний родственник по материнской линии, вознесён был в немецкой оккупации на “гетманский престол”, вакантный со времён Екатерины. Обернулись мы все украинцами, так сказать, номинально, стали считать карбованцами, плохо напечатанными, легко подделываемыми, курсом ниже рубля, и пока больше ничего. Но что удивительно — это то успокоение, которое почти внезапно наступило в крае. Беспорядки прекратились, вернулось некоторое доверие к устойчивости общего положения, оживилась торговля». То есть на некоторое время сложилась иллюзия, что жизнь налаживается.

Но Виноградский не был бы настоящим учёным, если бы не сделал свой анализ происходящего, начиная с Карла Маркса. Попытка понять, как это могло случиться в России. Запоздалая, правда. «Я погрузился в чтение источников по социализму, выдвинутому на первый план политическими событиями. Прежде всего, взялся за “Капитал” Карла Маркса и нудился над этим толстым томом неделю за неделей и продолжал бы ещё долго, если бы меня не осенила мысль, привлекшая всё моё внимание. Сделаны ли были где-либо опыты применения социалистической доктрины в ограниченных размерах отдельными группами людей? Что они дали и соответствуют ли они психологии человека нашей эпохи? Стал рыться в литературе и обрёл в Одесской публичной библиотеке толстый том — John Gumphry Noyes, “Experimental Socialism”. Оказалось, что социализмом увлекались в Америке люди разных слоёв общества ещё в прошлом столетии. Увлекались не только на словах, в разговорнях, а на деле. Бросали насиженные места, собирали единомышленников и основывали в девственных областях колонии из сотен и тысяч членов. Судьбу этих опытов автор описывает очень подробно, она очень поучительна. Существование колоний было очень непродолжительно — 2–3 года. Изучение социализма при помощи индуктивного метода меня заинтересовало настолько, что я не только прочитал, но и написал статью “Экспериментальный социализм”, надеясь найти случай её напечатать и полагая, что эта публикация пригодна для заполнения существующего пробела в истории социалистической доктрины, которую стараются основать исключительно на политических

и социальных фактов? Между тем, как при введении её в жизнь важнейшую роль играет фактор психологический».

Продолжаем чтение: «...обратился к большевизму. Материалом послужил доклад Ленина на VIII съезде РКП. Доклад пространный, сопровождавшийся дискуссией и полемикой. Картина большевизма получилась настолько полная и отчётливая, как только можно было желать. Она послужила мне материалом для статьи “Аутопортрет большевизма”. Затем последовали ещё два этюда о большевизме — “День неверного восстания” и “Деревня под игом Рабоче-Крестьянского правительства”».

Статьи эти были написаны в 1919 году. Опубликовать их не удалось за отсутствием толстых журналов. На этих статьях Виноградский впервые себя испытал в качестве эссеиста. Кое-что всё же просочилось в печать через белогвардейские газеты. И это было хорошо, что только «просочилось», не дошло до центра. Статьи в финале осели в архиве Института Пастера (Париж), доступны любопытному читателю.

Дальше — больше: Петлюра, большевики. Жизнь — каторга... «Петлюровщина была сравнительно скоро ликвидирована большевиками. В конце зимы 1918/1919-го они уже захватили Одессу, Николаев, Херсон и всю Новороссию. Одесса стала их главным центром на юге. И это не была та солдатско-мародёрская вольница, которая под эгидой реввоенсовета хозяйничала в Одессе год тому назад в самом начале 18 года, это теперь был настоящий московский большевизм, сгрёбший в свои лапы весь Юг. Обыватели, о поселковых и говорить нечего, почувствовали, что теперь пришла самая беда. И действительно, жизнь стала каторгой. Каждый божий день приносил свои причины для тяжёлых затруднений и тревог. В городе стали свирепствовать реквизиции и конфискации, на город наложена пятисотмиллионная контрибуция, ходят по квартирам. Пришли к нам искать оружие. А револьвер у меня был и не был даже запрятан. Повёл их осматривать комнаты, а Ксения, как только эти фигуры отвернулись, успела выбросить револьвер в большой и густой куст, росший под окном. И вот главной заботой дня стало изобретение хитроумных способов прятанья вещей и всякого рода ценностей по чердачным закоулкам, между стропилами, в погребе, в саду. Но всё это даже без сколько-нибудь прочной уверенности, что вещи не будут открыты обыскивателями, накопившими большой опыт в такого рода операциях. Наряду с разными тревогами пришлось вести и голодное существование. С приходом большевиков, как водится, подвоз

прекратился, всякая торговля остановилась, хлеба нет! Заботливые о народном благосостоянии народа большевики стали где-то его выпекать и отпускать населению. Хлеб со значительной примесью гороховой муки представлял из себя тёмно-зелёную замазку отвратительного вкуса и запаха».

Дальше было бегство. Январь 1920. По морю, в Константинополь. Путь не избранных, но многих. «В особенности не буду “жаловаться”, хотя тогда не раз мне представлялось, что не выберусь я из него живым. Все ужасы, постигшие беженцев после меня, оставляют мои беды за флагом», — заключил Виноградский. Достойно. И, пожалуй, довольно цитат. Дальше был бег по-булгаковски.

Вместо эпилога

Так каким же человеком запомнился нам Виноградский С.Н.? Большим учёным с широким кругозором и поразительной педантичностью в работе. Талантливым эссеистом-исследователем, виртуозным музыкантом (фортепиано и виолончель), охотником и альпинистом — многие люди не знали об этом никогда. В Швейцарских Альпах почти все вершины были им покорены. Выдающимся предпринимателем, умел видеть и считать наперёд — планировать то есть. Человеком порядочным и последовательным.

В отношениях Сергея Николаевича с людьми было благородное джентльменство, но и некая сухость, за которой скрывалось горячее сердце человека чувствующего. Он не принимал быстрой дружбы. Семья и семьи его дочерей составляли фокус его жизни. Две его дочери оставались его соратниками и сотоварищами до последних дней. А алтарём его жизни всё же была наука, которой он преданно служил до последних дней.

Научные открытия его сейчас рассматриваются даже шире, чем при его жизни: современная экология — это плоды трудов учёного Виноградского. Классификация и систематизация бактерий — его труд. Системный человек, классическая научная школа XX века.

И ещё один важный урок из жизни Виноградского С.Н. — никогда не терять Родину, не забывать, кто ты и откуда, не отрекаться от прошлого (даже неудобного). Даже если ты на чужбине. Особенно если на чужбине.